Татьяна Корсакова

А давай попробуем!

Часть сборника

Как я изменил свою жизнь к лучшему

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Родилась и живет в Беларуси и уже больше десяти лет совмещает врачебную практику с написанием мистических романов. Идея первой книги пришла к ней после рождения старшего сына – вдруг захотелось добавить в обыденность немного сказки. По мнению Татьяны, счастье прячется в мелочах. Летний вечер на даче, крылечко, одно на двоих, чашка крепкого кофе и детский смех – вот оно, настоящее счастье!

- Татьяна Корсакова
  - ○

Татьяна Корсакова
А давай попробуем!

Она была еще молода, но уже успешна и чертовски уверена в себе. У нее был загородный дом, который «семейное гнездо» и «неприступная крепость», а еще – сногсшибательные красные боты.

А у меня была съемная квартира, туманные перспективы и токсикоз.

Наши миры надежно разделял экран телевизора, но кое-что нас все-таки связывало.

Она уже была известной писательницей, а я еще только мечтала ею стать.

Мечты эти были робкие и осторожные. В свете приключившейся беременности они и вовсе казались блажью, потому как всем известно: беременным барышням свойственны всякие милые чудачества и неожиданные желания, навроде клубники в январе. Гормональный фон способствует…

Вот только я не хотела клубники, мои желания были куда неопределеннее и куда масштабнее. Они были настолько масштабными, что даже признаваться в них было неловко.

Где я и где те запредельные дали, в которых обычная, в общем-то, женщина, пусть и чертовски уверенная в себе, может, не моргнув глазом, назвать себя писательницей и продемонстрировать всем желающим свою книгу?! И даже не одну, а целую полочку!

Определенно – блажь и чудачество…

Блажь и чудачество должны были пройти если не вместе с токсикозом, то хотя бы вместе с беременностью.

Так я себя уговаривала и вразумляла, и в дальние дали заглядывать себе запрещала, а если и заглядывала, то одним глазком, осторожно и воровато.

Токсикоз и беременность закончились закономерно – тем, ради чего, собственно, и затевались: рождением сына.

И, казалось, отпустило.

Насыщенные тысячей дел дни и бессонные ночи способствовали лишь мечтам об отдыхе, а прочие наивности и глупости теряли актуальность и блекли перед радостью материнства. И только где-то на задворках подсознания жила мечта о полочке с собственными книгами и сногсшибательных красных ботах.

Но младенцы – это такие чудесные существа, которым

свойственно расти, набираться сил и самостоятельности, и рано или поздно у любой мамы появляется время на себя. Его не так чтобы очень много, но в сравнении с прежним цейтнотом вполне достаточно.

А когда у женщины появляется свободное время, ее начинают одолевать думы. Может, не всех женщин, но меня – точно. И вот тут внезапно оказывается, что чудачества и блажь никуда не делись – они отсиделись в подполье, переждали смутные времена и с новыми силами ринулись в бой.

Был соблазн оправдать свое легкое безумство материнской любовью – написать детскую сказку, внести свою лепту в развитие подрастающего поколения. Вот только сказки никак не писались, а если и писались, то были явно не для детской аудитории.

Писалось по большей части что-то затейливое, с чертовщинкой. Писалось от руки, складывалось в аккуратную стопочку, пряталось в папочку.

До лучших времен.

Когда придут лучшие времена и что тогда делать с папочкой, я тогда еще не знала.

Вопрос – где я и где тот волшебный мир, по-прежнему оставался актуальным и авторскому становлению никак не способствовал. Наверное, именно тогда я и начала понимать, что это неправильный, контрпродуктивный вопрос. Сделать бы его чуть более оптимистичным, развернуть бы к лесу задом, а ко мне передом!

И я начала искать варианты.

Сейчас информационный мир изменился. Иногда мне кажется, что до неузнаваемости. Сейчас каждый третий пытается мыслить позитивно, вытаскивает себя на новый уровень развития и бытия.

А тогда, больше десяти лет назад, в чудеса верили единицы, особенно в провинции, особенно в кругу физиков, а не лириков.

Но книги уже были!

Удивительные, особенные книги, которые казались куда более сказочными, чем те, что я пыталась писать. И авторы этих удивительных книг обещали всем желающим почти невозможное. Они были настолько убедительны, что хотелось взять и попробовать, поверить в чудеса – и в себя до кучи.

В этом не было ничего сложного. Впечатлительным натурам проще всего впечатляться и выстраивать миры внутри себя. Это приятно, увлекательно и совсем не затратно. И даже если внешний мир не отзовется, ничего страшного не случится – просто еще один опыт в копилку личных достижений.

А если он вдруг возьмет и отзовется?!

Пока не попробуешь – не поймешь.

И я попробовала.

Начала с самого простого – освоила Интернет. Тогдашний, многолетней давности Интернет еще был добр и снисходителен к неофитам, делился ссылками и сайтами, помогал заводить знакомства с такими же слегка ненормальными, слегка одержимыми, как и я.

Вдруг оказалось, что их много – ненормальных и одержимых!

И собственные страхи и странности на их ярком и смелом фоне уже не казались такими уж эксклюзивными и невероятными, а мечта вдруг сделала шаг к свершению.

Робкий такой шажок…

Хочешь для себя чуда? Придумай и сформулируй!

А еще лучше, коль уж рвешься в писатели – запиши!

И я придумала, поверила волшебным книжкам, утверждавшим, что невозможное возможно, стоит только захотеть.

Рассказ родился за пару часов.

Он был не то чтобы совсем обо мне, но о моих чаяниях – уж точно. Это была моя первая попытка проложить маршрут если не в реальном мире, то хотя бы в мире вероятностей.

Может быть, поэтому он получился немного сказочный…

«Экий ты, однако, затейник!» – улыбнулась кикимора и кокетливо заправила за острое ушко изумрудно-зеленую прядку…

Силантий поставил многоточие, потер уставшие от ночного бдения за ноутбуком глаза и откинулся на спинку кресла. Все, дело сделано! Текст, конечно, еще сырой и нуждается в изрядной доработке, но вот она – вынашиваемая много месяцев идея, выстраданная, воплощенная в маленькие черные буковки!

На колени с требовательным мяуканьем запрыгнула кошка, потерлась башкой о подбородок Силантия, заглянула в глаза. Кошка была самая обыкновенная, серая с рыжими подпалинами. Она жила с ним уже пять лет и с первого дня отзывалась на кличку Приблуда. То есть сначала это была не то чтобы кличка, а простая констатация факта.

Силантий подобрал кошку в лесу, худющую, полудохлую, с выпирающими ребрами, и весь путь домой недоумевал, что несчастная зверюга делает в здешней глуши. А зверюга затаилась у него за пазухой и, кажется, даже не дышала. Может, спала, а может, боялась, что Силантий передумает и оставит ее умирать от голода под вековой елью.

Чего греха таить, была у него такая мыслишка. Ну зачем ему в хозяйстве кошка – существо для лесной жизни бесполезное и даже хлопотное! Пусть бы себе и дальше лежала там, где и раньше, – не он положил, не ему и забирать. Силантий, помнится, уже и лапу еловую опустил, и пару шагов прочь сделал, а потом вдруг вернулся. Что-то там такое у него внутри екнуло. У него – жалости не ведающего таежного отшельника, лучше других разбирающегося в законах джунглей и пищевых цепочках!

Зверюга из пищевой цепочки выбивалась, выглядела жалостливо и обреченно.

И вот… екнуло.

Никак особенно Силантий за Приблудой не ухаживал, просто положил на коврик у камина, перед носом поставил две плошки: одну с мясом, вторую с разведенным сухим молоком. Так она и пролежала на коврике больше недели: вела себя тихо и уважительно, Силантию не мешала, только поглядывала настороженно.

А потом вдруг исчезла.

Ну, исчезла – и исчезла, может, ушла по какой своей кошачьей надобности. Силантий особо из-за пропажи не тужил – лес дал, лес взял. У него и своих забот хватало.

Приблуда вернулась через пару дней.

Она сидела на крылечке, смотрела внимательно, переминалась с лапы на лапу. Здесь же, на крылечке, кверху пузом лежала мышь – плата за постой и заботу.

Силантий от подарка отказался, но Приблуду за старания погладил. Вот как только погладил, так она и стала частью его холостяцкой жизни, освоилась, отъелась, даже слегка обнаглела. Спать укладывалась исключительно в Силантьеву постель, долго там ворочалась, тарахтела, терлась горячим боком, а потом затихала до самого утра. А если, как сегодня ночью, хозяин спать не ложился, устраивалась на рабочем столе, сбоку от ноутбука, и сквозь ленивую полудрему следила за скачущим по экрану курсором. Сначала, правда, пыталась курсор ловить, но Силантий строго-настрого запретил – нечего хорошую вещь портить.

К ноутбуку у него было отношение особенное, граничащее с обожанием. Он был не чужд достижениям цивилизации, почитал кое-какие из них за несомненные блага и готов был до хрипоты доказывать особо ортодоксальным своим соседям, что дизельный аккумулятор – это не блажь, а жизненная необходимость, что в тяжелом роке нет ничего ужасного, а мобильный телефон – не роскошь, а средство коммуникации. Но компьютер из списка предметов жизненной необходимости выбивался. Он был из другого мира. Нет, он сам был другим миром – целым миром,

упрятанным в узкую пластмассовую книжицу. В компьютере был Интернет – слава беспроводному Интернету! – и в Интернете можно было самовыражаться!

Раньше Силантию приходилось самовыражаться исключительно на бумаге: сначала по старинке, от руки, потом с помощью печатной машинки. Времени на это уходило много, бумаги еще больше. Зато с растопкой камина, еще одной блажью лесного отшельника, проблем не возникало. Силантий садился по-турецки на коврик и скармливал огню один листок за другим. В такие минуты он ощущал какую-то сладостную горечь, сравнивал себя с Гоголем и мечтал о грядущей славе. Время убегало, огонь в камине никогда не голодал, а написать роман до конца так и не получалось. Кто сказал, что рукописи не горят?

Еще как горят…

Так Силантий и жил до прошлогодней весны. Весной на него нападала какая-то особенная решимость, все свои самые важные начинания он задумывал именно весной, вышагивая по проталинам, перепрыгивая ручьи с талой водой, барабаня палкой по замшелым еловым стволам. Ему нужен компьютер!

И Интернет тоже нужен – непременно!

Тимофей, единственный друг и единственная связующая нить с цивилизацией, явился по первому зову – через три дня. Он выглядел усталым, но довольным, с порога принялся выкладывать на стол гостинцы: пачку кофе, пакет мятных леденцов, целую упаковку шоколадных батончиков, диск с новым альбомом «Металлики», стопку журналов и бутылку беленькой.

– Поздравь меня, дружище! – сказал и улыбнулся совсем по-мальчишески.

– Поздравляю.

Силантий сунул за щеку леденец, с нежностью погладил глянцевую поверхность журнала «Гео», понюхал пахнущий пластиком и долгими часами удовольствий диск, а шоколадки со смущенной улыбкой спрятал в книжный шкаф. Шоколадки – это не ему, это Устюше, она их любит больше всего на свете.

Кажется, даже больше чем его, Силантия.

– А с чем поздравлять-то? – спросил запоздало.

– С тем, что я теперь не просто егерь, я теперь старший егерь! – Тимофей сорвал с головы шапку, плюхнулся на табурет. – Гордись знакомством! Зарплата почти в два раза больше, мотоцикл «Урал» в личное пользование, ружьишко вот, – он ласково похлопал по прикладу двустволки.

Силантий поморщился: оружие он не признавал и не любил. Больно помогло Тимофею ружьишко-то, когда десять лет назад на него, еще сопливого пацаненка, напал шатун! Если бы Силантий

тогда не вмешался, не было бы сейчас старшего егеря Тимофея Ивакина, а были бы обглоданные зверьем и временем косточки, каких в лесу полным-полно…

Они сидели перед зажженным камином – Силантий с рюмкой беленькой, а Тимофей с кружкой фирменного силантьевского березового кваску. Квасок был особенный, на меду настоянный, по крепости уступающий «беленькой», но уж ясное дело, куда более вкусный.

Сидеть, смотреть на огонь, слушать балабола Тимофея было хорошо. Так хорошо, что Силантий едва не забыл о главном – о ноутбуке. Вспомнил, только когда гость уже засобирался в обратный путь, изложил свою просьбу и, смущаясь, попросил поторопиться. Тимофей поторопиться пообещал, сказал, что на следующей же неделе съездит в райцентр и все исполнит в лучшем виде. А потом, хитро сощурившись, спросил, зачем Силантию ноутбук. Была мыслишка соврать, но Силантий подумал и рассказал правду: про рукописи, про Гоголя, про свои писательские устремления. Тимофей устремления одобрил, сказал, что это будет клево и креативно. Что такое «креативно», Силантий не знал, а спрашивать постеснялся.

Друг не подвел – ровно через месяц в Силантьевой берлоге появился ноутбук. Он освоил новое чудо в рекордно короткие сроки: сначала сам компьютер и «Ворд», а потом тайны Всемирной паутины.

Тайны были велики и необъятны, требовали времени и долгого осмысления. Времени у Силантия было достаточно, и он с головой окунулся в виртуальную жизнь.

Жизнь в Интернете била ключом, бурлила и фонтанировала, а иногда подбрасывала подарки. Силантий набрел на форум молодых литераторов, осмотрелся, освоился, вступил в переписку, «набрался позитива» и решился наконец взяться за книгу.

Жанр выбрал креативный – теперь он знал, что такое креатив!

Это – славянское фэнтези. Хотел поведать миру всю правду про домовых, русалок, полевиков, леших и кикимор, украсить эту правду лесным колоритом, обострить детективной интригой, смягчить любовной линией. Он уже и название для книги придумал. Дело осталось за малым – воплотить мечту в жизнь.

На воплощение ее в жизнь ушел год.

Силантий так погрузился в работу, что иногда не до конца осознавал, где реальность, а где вымысел. С реальностью его связывали старший егерь Тимофей, кошка Приблуда да изредка наведывающаяся в его логово Устюша. Устюши он особенно стеснялся, даже ноутбук прятал перед ее приходом. Но только она

каким-то своим особым женским чутьем все про его тайны выведала и совершенно нежданно их одобрила. В благодарность Силантий любовную линию в книге чуток углубил, добавил красок и целых три ночи, обливаясь потом и жутко смущаясь, выписывал эротическую сцену, а Устюшу с тех пор называл исключительно «моя муза».

И вот когда рукопись, пусть еще и «сырая», но уже вполне реальная, была аккуратненько заархивирована в компьютерном нутре, предстояло самое страшное – явить ее миру!

Посредниками между миром и Силантием были редакторы – существа неведомые, но, по рассказам бывалых литераторов, опасные и жестокосердные. Конечно, можно еще месяц-другой свое детище подрастить, попестовать, но потом, хочешь не хочешь, а придется отдавать кровиночку в чужие руки.

Силантий промучился три месяца, похудел, с лица спал, и однажды, особо темной ночью, решился – отослал-таки рукопись.

Все, дело сделано!

Теперь уж от него ничего не зависит, теперь остается только ждать.

А ждать ему, Силантию, не привыкать. Да вот только оказалось, что это совершенно особенное ожидание, ни с чем ранее испытанным несравнимое: муторное, выжимающее все соки, попеременно швыряющее от надежды к отчаянию…

Силантий был как раз в самом эпицентре отчаяния, когда ***это*** *случилось.*

Это *подмигивало ему с экрана ноутбука, обещало либо вечное блаженство, либо адовы муки.*

Это *– было письмо из издательства, самого крупного, самого заветного.*

Открыть послание Силантий сразу не смог: ходил вокруг ноутбука, почесывал за ухом притихшую Приблуду, допивал остатки кофе, догрызал неприкосновенный запас карамелек – и все никак не мог собраться с силами.

К решительным действиям его подтолкнул страх. А что, если письмо исчезнет или ноутбук, боже упаси, сломается?..

Силантий уселся за стол, кликнул мышкой и перестал дышать…

«Здравствуйте, Силантий! Прочел Вашу рукопись и должен признать ее весьма занимательной, хотя местами и неоднозначной. Вот несколько моментов, которые меня озадачили. У Вашего лешего есть хвост. Но ведь это нонсенс! Леший – совершенно особенное существо, чем-то похожее на фавна, только без рогов и уж точно без хвоста. Теперь – кикимора. Почему у нее зеленые волосы? Она же не русалка. А острые уши? Вы уж меня

извините, но это вообще эльфийские штучки, в славянском фольклоре категорически неприемлемые. Есть еще некоторые спорные моменты, которые мы с Вами, надеюсь, обсудим в приватной беседе уже после заключения договора. С уважением, заведующий редакцией фантастической прозы…»

Силантий прочитал раз, потом еще раз, сходил к бочке с квасом, зачерпнул ковшик, вернулся к столу, выпил, не чувствуя вкуса, вытер рукавом рубахи мокрые усы и только после этого позволил себе поверить.

Свершилось!

Не случилось, не произошло, а именно свершилось.

Ему предложили договор, его книгу, вымученную, выстраданную, издадут в самом крупном издательстве. Конечно, надо кое-что подправить, но ведь свершилось же!

…Застолье, посвященное рождению новой звезды славянского фэнтези, подошло к концу. Уехал на своем «Урале» Тимофей, разбрелись по домам соседи. С Силантием осталась только Устюша. С недавних пор она оставалась у него все чаще, и это вселяло оптимизм и мальчишеские надежды. Устюша хрустела шоколадкой, поглаживала Приблуду и поглядывала на Силантия ласково и загадочно.

– Устюша, – он улыбнулся смущенной улыбкой, – а как думаешь, это не очень страшно, что ради издания я погрешил против истины? Хотел правду жизни показать, а пошел на поводу у редактора. Может, стоило на своем настоять, сказать, что это такое особенное авторское видение?

– Если ради издания, то простительно.

Устюша засмеялась прозрачным серебряным смехом, заправила кокетливую изумрудно-зеленую прядку под косынку и добавила:

– Предлагаю пригласить твоего редактора к нам в гости. Пусть лично убедится, что ты совсем не похож на фавна.

Теперь рассмеялся Силантий, радостно и озорно, как не смеялся уже лет триста.

– Экая ты, однако, затейница! – сказал он и поцеловал зардевшуюся от удовольствия Устюшу за острым ушком…

Вот такая мелочь – всего на насколько печатных страниц. Легкая вещь, но с правильным финалом, где мечты сбылись и «наши победили», изменила всю мою жизнь.

Конечно, узкая тропинка не стала в одночасье торной дорогой, и лепестки роз под ногами не шелестели, и пахать приходилось днями и ночами, но маршрут был проложен, оставалось лишь сделать первый шаг.

Хватило решимости написать первую книгу, хватило смелости отправить рукопись в издательство – самое крутое,

самое заветное, чтобы не мелочиться!

Только с терпением возникли определенные трудности, терпение никогда не было моей самой сильной стороной, но мы с ним справились. И авторы волшебных книг не подвели.

И сама я очень вовремя и очень правильно сказала себе: «А давай попробуем!»

У меня все еще нет загородного дома, который «родовое гнездо» и «неприступная крепость», и сногсшибательные красные боты утратили свою актуальность.

Но теперь у меня есть собственная книжная полка, и теперь уже я, не моргнув глазом, могу назвать себя писательницей.